

опять-таки «неизвестные». Они составили клуб восстания во дворце Епископства и назначили для целей восстания комиссию шести.

Секции приняли деятельное участие в подготовительной работе. Уже в марте секция Четырех наций объявила себя «в восстании» и уполномочила свой Комитет надзора выпустить приказы об аресте граждан, подозреваемых за их противореволюционные убеждения. Некоторые другие секции (Моконсейль, Пуассоньер) открыто требовали ареста депутатов «бриссотинцев», т. е. жирондистов. В следующем месяце, т. е. 8 и 9 апреля, после измены Дюмуре, секции Бонконсейль и Хлебного рынка (Bonconseil, Halles aux Bles) требовали преследований против сообщников изменника-генерала; а 15-го числа того же месяца 35 секций выпустили уже список 22 членов Жиронды, которых необходимо было, по их мнению, исключить из Конвента.

Уже с начала апреля секции старались также объединиться для общего действия непосредственно, помимо Совета Коммуны, и ради этого секция Гравилье, всегда стоявшая впереди других, взяла на себя почин образования особого Центрального комитета. Этот комитет действовал только с перерывами, но с приближением опасности (5 мая) он вновь образовался, и 29 мая он уже взял в свои руки руководство движением. Что же касается Клуба якобинцев, то его влияние осталось ничтожным. Якобинцы сами признавали, что центр действия не у них, а в секциях¹.

26 мая довольно многочисленные сборища народа начали осаждать Конвент. Часть из них скоро проникла в залу заседаний и при поддержке тех, кто был уже в трибунах, отведенных для публики, они начали требовать уничтожения жирондистской Комиссии двенадцати. Однако Конвент весь день сопротивлялся этому требованию и уступил только после полуночи, когда разбитые усталостью его члены не могли более выдержать напора со стороны народа. Комиссия была распущена. Но то была только минутная уступка. На другой же день, 27-го, жирондисты (составлявшие большинство в Конвенте за отсутствием многих монтаньяров, разосланных Конвентом в провинции) при поддержке Равнины снова восстановили Комиссию двенадцати. Восстание, таким образом, не достигло своей цели.

Что больше всего помешало успеху восстания - это то, что между самими революционерами не было согласия. Часть секций под влиянием крайних, которых называли «бешеными», хотела чего-нибудь такого, что ужасом поразило бы контрреволюционеров. Они хотели, подняв народ, убить главных жирондистов. Говорили даже о том, чтобы вообще перебить в Париже аристократов.

Но такой план встретил сильное сопротивление. Народные представители в Конвенте были, так сказать, под охраной парижского народа: он не мог в таких условиях обмануть доверия Франции. Дантон, Робеспьер и Марат решительно выступили против избияния депутатов. Совет Коммуны и мэр Паш, а также и Совет парижского департамента безусловно отказались принять этот план. Народные общества тоже отказали ему в своей поддержке.

При этом было еще одно соображение. Надо было считаться с буржуазией, так как уже тогда она представляла в Париже многочисленное сословие; батальоны ее национальной гвардии раздавили бы восстание, если бы им пришлось защищать свою собственность. Нужно было, стало быть, успокоить буржуазию, заверив ее, что ее собственности не тронут. Вот почему, например, якобинец Ассенфрац, хотя и заявил открыто, что ничего бы не имел в принципе против грабежа богатых, тем не менее воспротивился тому, чтобы восстание сопровождалось грабежом. «Их насчитывается, - говорил он, - 160 тыс. человек, имеющих постоянное жительство в Париже; они вооружены и вполне в силах отразить тех, кто захотел бы их грабить. Очевидно, *фактически невозможно* напасть на имущества», - говорил Ассенфрац в Клубе якобинцев; и он приглашал всех членов этого общества «обязаться скорее погибнуть, чем допустить нападения на имущества».

Та же клятва была принесена в ночь 31 мая в Коммуне и даже в Епископском дворце «бешеными». То же сделали и все секции.

Новый класс собственников из буржуазии, численность которого так страшно возросла с тех пор в течение XIX в., уже слагался в то время, и революционеры поняли, что они вынуждены к осторожности, дабы не иметь весь этот класс против себя.

Накануне восстания никто никогда не может знать, поднимется ли народ или нет. В этот же раз к обычной неизвестности примешивался еще страх, как бы крайние элементы населения не вздумали

¹ La Societe des jacobins. Recueil de documents sur l'histoire du club des jacobins de Paris. Red. et introd. par A. Aulard, v. 1-6. Paris, 1889-1897, v. 5, p. 209.